

Родная подмосковная природа, лето, проведенное в деревне, вливали в него новые силы, и он был особенно энергичен в первые послеотпускные месяцы. Физически крепким он не был, это сказывалось и на настроении, и на делах, но он никогда не жаловался на здоровье. Окружающие всегда видели его в добром расположении духа.

Обычный рядовой человек науки, без каких-либо великого в ней не совершается, а для нас, его друзей по жизни и общему делу, утрата невозполнимая.

*Л. А. Калинин, д-р филос. наук,
директор Института Канта,
проф. каф. философии БФУ им. И. Канта*

О В. А. Жучкове

Владимир Александрович Жучков был сухопарым невысоким человеком с крупными чертами лица и характерным скрипучим голосом. Он жил на Лесной улице в Москве, в районе Белорусского вокзала, с окнами на Бутырскую тюрьму. Он часто принимал гостей, а дальняя комната его крошечной «двушки» подолгу не пустовала. В квартире было мало места для книг, и я помню, как он размещал тома подаренного ему немецкого собрания сочинений Канта в старом холодильнике. В дальней комнате долгое время стоял компьютер, который Владимир Александрович упорно осваивал с начала 2000-х годов. Приходившие к нему люди обычно размещались на кухне, где в клубах табачного дыма заводились долгие разговоры о жизни и о философии. Философские разговоры всегда переключались на Канта. Владимир Александрович вспоминал, что, осилив Канта в студенческие годы, он обнаружил, что его идеи могут быть инструментом решения любых философских проблем. У него был свой, особенный Кант. Главное в этом Канте было учение о вещи в себе, указывающей, с одной стороны, на границы познавательной способности человека, осознание которых может быть эффективным средством от косности и догматизма, и открывающей путь к творчеству — с другой. Ведь наличие непознаваемой вещи в себе означает незавершенность человеческой картины мира, а незавершенность подталкивает к творческим попыткам расширить и завершить ее. В. А. Жучков был убежден, что эти интуиции пронизывают все три «Критики» Канта и мечтал написать большую книгу, в которой прослеживалось бы их развитие. Он даже начинал писать ее, но, насколько мне известно, не завершил. Парадоксально, таким образом, что у самого, возможно, глубокого ценителя Канта в России нет отдельной монографии об этом мыслителе. Впрочем, у него есть другие монографии — о немецкой философии эпохи Просвещения. В одной он в основном рассуждает о Хр. Вольфе, в другой — о непосредственных предшественниках Канта, И.Н. Тетенсе, Хр. А. Крузии и других, а также о докритической философии самого Канта. Но Владимиру Александровичу удавались не только индивидуальные проекты. Он был хорошим организатором — и не из-за каких-то выдающихся менеджерских качеств, а из-за душевной теплоты, которая проявлялась во всех его делах. Это был совершенно бескорыстный человек, с которым всегда хотелось работать. Как организатор он подготовил оригинальное издание «Критики чистого разума», учитывающее варианты многочисленных переводов этой книги на русский язык, а также большую книгу «И. Кант. Из рукописного наследия», содержащую огромное количество

текстов, никогда ранее не переводившихся на русский язык. Важную организационную роль он сыграл и в развитии отечественного кантоведения, одним из центров которого стал Калининградский университет, под эгидой которого выходил (и выходит) «Кантовский сборник» и проходят «Кантовские чтения». Мне не известны все детали, но я точно знаю, что В. А. Жучков, наряду с Л. А. Калининниковым и некоторыми московскими философами, был у истоков этого. Символично в этом плане, что бюст Канта, находящийся ныне в музее Канта в Калининграде, был привезен в этот город именно Владимиром Александровичем. Другие замечательные дела В. А. Жучкова не столь заметны, но, возможно, не менее важны. Я говорю, в частности, о его отношении к ученикам. Кажется, что для него не было пределов помощи. Он мог брать для них редкие книги из библиотеки, часами обсуждать их работы, искренне радоваться достижениям, беспокоиться за них. Уверен, что многие, кому, подобно мне, повезло общаться с Жучковым (а было время, когда почти каждый день я долго беседовал с ним по телефону и часто бывал у него), согласятся с моими словами. А значение его идей нам еще предстоит осознать.

*В. В. Васильев,
заведующий кафедрой зарубежной философии
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Абсолютный пиетет

Тридцать три года назад, везя из Ленинграда в Москву, в Институт философии АН СССР, свою кандидатскую диссертацию на отзыв ведущего учреждения, я и подозревать не мог, с каким удивительным человеком сведет меня и навсегда подружит интерес к Канту. Трудно поверить, что его больше нет, что нельзя приехать к нему в гости, услышать его голос... Тому, кто не был знаком с Владимиром Александровичем, невозможно представить себе уникальное обаяние его личности, усиленное контрастом с неказистой телесной оболочкой. С того далекого уже года началась наша дружба, и приезжая в столицу, я всегда останавливался у него. Это был гений общения, умный, пронизательный собеседник, доброжелательный, заботливый и гостеприимный. С ним всегда было интересно и как-то очень легко, я не помню ни одного момента, когда возникли бы какие-нибудь неловкость или напряжение. Он всегда оставался самим собой, был абсолютно естественным, открытым, откровенным, и высшая степень интеллигентности гармонировала с простотой и крепким словом. Но более всего поражало и восхищало меня то, что каждый раз, через несколько минут после встречи, как только на столе появлялась первая чашка кофе, начинался разговор о Канте. Владимир Александрович не любил обсуждать очередные новости, события и происшествия, мало говорил о людях (хотя изредка давал убийственно точные мгновенные характеристики известным персонам московского философского мира) — его интересовали идеи. Он говорил, я слушал, изредка вставляя реплики и подбрасывая дров в костер разговора. Характерно, что он мгновенно замолкал, как только заговаривал собеседник, и внимательно слушал. О Канте он мог говорить часами, с утра до вечера и за полночь, в любом состоянии. Он жил миром смыслов, и самым притягательным объектом в этом мире была для него интеллектуальная вселенная Канта. Я думаю, что нелюбимое мною слово «кантовед» или малопонятное и слегка уничижительное «кантианец» (стало быть, духовно